

ТРИНАДЦАТЫЙ ПЕРИОД

Весна 1945 года: победа близка, но недоверие между Западом и Советским Союзом мешает общему делу

Немцы предлагают капитуляцию в Италии; поразительное советское недоверие – март-апрель 1945 года

Пока тянулись неприятности, связанные с Польшей, произошел поразительный эпизод, связанный с сигналом о капитуляции немецких сил в Северной Италии. Недоверие Сталина, сдерживаемое во время войны, вырвалось наружу. Его поведение теперь ясно выдало его патологическую подозрительность, а речь свидетельствовала о том, какой негодяй прикрывался сдержанными, ровными манерами.

Во второй половине февраля видный итальянский промышленник барон Луиджи Парилли информировал Геро фон Геверница, доверенного члена Бюро стратегических служб в Швейцарии, что некоторые немецкие официальные лица, включая генерала Карла Вольфа, высокопоставленного офицера СС в Италии, ищут контакта с союзниками с целью прекратить сопротивление в Северной Италии. (Карл Вольф был бывшим офицером Имперской немецкой армии, перешедшим в 1932 году в личный персонал Гиммлера в чине штурмбаннфюрера, что соответствовало капитану, и впоследствии оставался одним из его наиболее близких сторонников.)

Как считают, Вольф был готов передать союзникам Северную Италию на условиях, которые бы помогли избежать бесполезных смертей и бессмысленных разрушений. После тщательной проверки в Лугано состоялась встреча с одним из главных сторонников и помощников Вольфа, который обещал вернуться 8 марта с мандатом и определенными решениями. Аллен Даллес, глава Бюро стратегических служб, сообщил об этом в Вашингтон, Лондон и в штаб союзных сил в Казерте, заявив, что, если не поступит противоположных указаний, он выслушает эмиссара и отпустит его. Вольф 8 марта сам прибыл в Цюрих и информировал Даллеса, что убежден в необходимости немедленной капитуляции Германии и сделает все возможное, чтобы заставить фельдмаршала Кессельринга, немецкого главнокомандующего в Италии, согласиться на капитуляцию и убедить его тайно приехать в Швейцарию и встретиться с нашими военными представителями.

Отчет об этой беседе был тотчас же передан в штаб союзных сил в Казерте и американскому и британскому начальникам штабов. В своих посланиях Даллес подчеркнул, что не участвовал ни в каких переговорах, а просто выслушал генерала Вольфа и уведомил его, что мы заинтересованы лишь в безоговорочной капитуляции. Он по-прежнему считал, что вопрос еще подлежит тщательной проверке. Но фельдмаршал Александер решил действовать, не ожидая решения Кессельринга. 11 марта он сообщил Объединенному комитету, что собирается послать своего американского заместителя начальника штаба генерала Лемницера и его британского помощника, начальника штаба (разведки) генерала Эри, в Швейцарию. Он объяснил, что эти офицеры получили указание передать немцам, что те должны прибыть в его штаб в Казерте, договорившись о способе сообщения с Кессельрингом; и что переговоры в Казерте должны касаться только военной стороны безоговорочной капитуляции. Необходима осторожность, заметил Александер, потому что Вольф и остальные члены его группы связаны с Гиммлером.

Объединенный комитет разрешил Александеру действовать и тотчас же послать в Швейцарию своих представителей. Однако ему было сказано, что, по мнению Объединенного комитета, о происходящем следует немедленно сообщить русским. Кроме того, Объединенный комитет приказал Александеру не вступать в контакт с немцами до получения особого распоряжения. 12 марта Гарриман и Кларк Керр отдельными письмами передали отчет Александера Молотову. Объединенный комитет, говорилось в них,

согласился на предложение Александра при условии, что тот не пошлет своих людей в Берн до тех пор, пока не будет информировано советское правительство.

В действительности же два офицера сразу же улетели из штаба Александра в Лион, во Францию, не дожидаясь посланий из Советского Союза. Но границу Швейцарии они пересекли лишь 15 марта – после того как стал известен ответ Советского Союза. Вольф приехал в Швейцарию только 19 марта.

Молотов сообщил о решении СССР незамедлительно. Его ответы на оба письма были, в сущности, одинаковыми: советское правительство не возражает против продолжения этих «переговоров» (он настаивал на этом названии); но оно бы хотело, чтобы в них приняли участие представители советского Верховного Командования и чтобы нескольким старшим советским офицерам во Франции было позволено сделать то же самое.

13 марта Гарриман уведомил Государственный департамент, что он не видит никаких оснований для удовлетворения требований Советского Союза, поскольку немцы предлагают капитуляцию войск лишь на англо-американском фронте. Он не думает, что Советский Союз позволил бы американским офицерам участвовать в подобной акции на Восточном фронте, и вообще сомневается, известил ли бы он нас о предложении капитуляции со стороны немцев. По его мнению, мы ничего не выиграем, уступив желанию Советского Союза; напротив, русские воспримут это как знак слабости наших позиций и в будущем предъявят еще более неразумные требования. Далее, полагал посол, если офицеры Красной армии примут участие в переговорах в Швейцарии, они могут выдвинуть неудобные для нас требования. Генерал Дин в одновременном послании генералу Маршаллу выразил то же мнение. Он считал, что с военной точки зрения идти навстречу требованию Советского Союза не необходимо, не желательно и не полезно.

Объединенный комитет пришел к тому же выводу. Его чиновники не хотели, чтобы советские официальные лица играли важную роль в этих предварительных переговорах в Швейцарии. Но, признавая интерес Советского Союза к подготовке и проведению капитуляции, они охотно позволили его представителям присутствовать на важных переговорах, которые могли состояться в Италии. Таким образом, в ответе на письмо Молотова от 15 марта, переданном обоими послами, объяснялось, что единственной целью встречи в Швейцарии было достижение контакта с немецкими представителями в штабе союзных сил в Италии, где будут обсуждаться все вопросы, связанные с капитуляцией. В нем также сообщалось, что Александр получил приказ информировать советское правительство о результатах первых контактов в Швейцарии и договориться об участии советских представителей в любых переговорах, которые потом состоятся в Италии. «Однако, поскольку немцы предлагают капитуляцию войск на американско-британском фронте, фельдмаршал Александр, как главнокомандующий на этом театре военных действий, является ответственным за проведение переговоров и принятие решений».

Если первое послание Молотову от 12 марта можно было понять так, что офицеры, которых Александр собирался послать в Швейцарию, могут участвовать в предварительном совещании об условиях капитуляции, то из второго становилось совершенно ясно, что это не так. На самом деле в нем говорилось, что до встречи в Италии вопрос о переговорах о капитуляции остается открытым, при условии что она обязательно должна быть безоговорочной и касаться только военных проблем.

Прибыв в Берн 15 марта, генерал Лемницер отправил Александру послание, в котором разрешил включить в группу русского офицера: «Теперь я имею возможность оценить меры безопасности, предпринятые для того, чтобы привезти меня и Эри в Берн. Наше положение в значительной степени конспиративное, так как мы в гражданской одежде и живем под вымышленными именами. Введение в группу русского офицера, очевидно, потребует еще большей конспирации».

Вне всяких сомнений, ответ Молотову Объединенного комитета от 15 марта

преследовал две цели: сохранить свободу действовать быстро, не принимая во внимание возможные условия или возражения Советского Союза, если желание немцев договориться о капитуляции окажется искренним. Но при этом он также хотел гарантировать советскому правительству шанс высказаться прежде, чем будет принято решение. О его доброй воле говорят настойчивые требования, посланные Объединенным комитетом американскому и британскому военным атташе в Москве и Эйзенхауэру, выяснить, где во Франции находятся советские офицеры, которым Молотов хотел поручить принять участие в переговорах, и предупредить их, чтобы они были готовы по первому же требованию выехать в Казерту.

Но советское правительство не хотело оставаться безучастным, пока продолжались эти предварительные контакты. Ответ Молотова от 16 марта, переданный через обоих послов, был недоверчивым и грубым. В нем говорилось, что «отказ американского правительства в участии советских представителей в переговорах в Берне явился для советского правительства совершенно неожиданным и непонятным с точки зрения союзных отношений между нашими странами. Ввиду этого советское правительство считает невозможным дать свое согласие на переговоры в Берне американских и британских представителей с представителями германского командующего и настаивает на том, чтобы уже начатые переговоры в Берне были прекращены. Кроме того, советское правительство настаивает, чтобы впредь была исключена возможность ведения сепаратных переговоров одной или двух союзных держав с германскими представителями без участия третьей союзной державы».

В отчете от 17 марта Гарриман отметил возможные причины столь вызывающего поведения русских. Вероятно, писал он, они нам не верят и считают, что способ и условия капитуляции будут на самом деле обговорены в Швейцарии, а на более поздних переговорах в Италии, куда будут допущены советские представители, состоится официальное оформление договоренностей, достигнутых ранее, когда прислушиваться к мнению Советского Союза будет уже поздно. А может быть, они боятся, что остальные немецкие командующие по примеру командующего в Северной Италии сделают предложение о капитуляции Западу, а не Востоку? Возможно также, что они борются за свой престиж. Советское правительство хвасталось, что Германия почти полностью разгромлена Красной армией, а так как дальнейшее наступление на Восточном фронте может замедлиться из-за весенних оттепелей, оно хочет иметь гарантии, что явится миру как полноправный участник значительной капитуляции в Италии, которая может повлечь за собой капитуляцию на Западе.

Александр, не зная, что Советский Союз потребовал прекращения переговоров с немцами, 16 марта направил американской и британской военным миссиям в Москве послание, в котором попросил уведомить советское правительство, что в целях безопасности просит не направлять в его штаб офицеров, которые должны принять участие в переговорах, до официального приглашения. Он заверил советское правительство, что они будут предупреждены заранее, а чтобы не опоздать к началу переговоров, они должны быть готовы к вылету в Казерту через двадцать четыре часа после получения приглашения. Хотя безапелляционное письмо Молотова было получено раньше послания Александра, генерал Дин и адмирал Арчер (глава британской военной миссии) передали его генералу Антонову. Их тотчас же вызвали в Генеральный штаб, где Антонов ознакомил их с письмом, адресованным им обоим. В нем, ссылаясь на письмо Молотова, говорилось, что советским офицерам приказано не ехать в Казерту.

Фактически в этот период времени переговоры с немцами были нарушены серией удивительных происшествий, полное описание которых я предоставлю авторам приключенческих романов. Одним из них был вызов Кессельринга Гитлером, чтобы поручить ему командование Западным фронтом. Несмотря на риск разоблачения, Вольфу было передано, что, если он готов приехать в Швейцарию с конкретным планом, его примут, и союзники срочно обсудят с ним любые процедурные вопросы. Однако его не

информировали о прибытии офицеров штаба союзных сил. Встреча была назначена на 19 марта в Асконе, маленьком городке вблизи итало-швейцарской границы. Союзные офицеры прибыли туда в гражданской одежде и с фальшивыми документами.

Там Вольф сделал подробный обзор проблемы и предложил альтернативные пути ее решения. Хотя генералы Лемницер и Эри старались убедить его поспешить, он придерживался мнения, что ему следует посоветоваться с Кессельрингом (в Берлине или во Франции), прежде чем обращаться к новому командующему в Италии Витингоффу. В конце концов договорились, что Вольф вернется в Италию, попробует убедить Витингоффа и, если это удастся, в Швейцарию будут направлены посланники, которых союзники перевезут в Казерту, чтобы обговорить военные вопросы и подписать механизм капитуляции.

Столкнувшись с негодованием Советского Союза, американский и британский начальники штабов сошлись во мнении, что предварительный путь к переговорам должен быть пройден командирами действующей армии без постороннего вмешательства. Это мнение они твердо повторяли в ответ на требования Молотова прекратить переговоры. В письме от 21 марта Гарриман заявил, что американское правительство удивлено письмом Молотова. Советское правительство, писал он далее, похоже, не понимает, что единственной целью встречи в Швейцарии является установление контакта с немцами, чтобы сообщить им о необходимости прибытия назначенных представителей немецкого командования в штаб Александра в Италии. Было подчеркнуто, что перед офицерами штаба, посланными в Швейцарию, поставлена именно эта задача. Далее, если и поскольку немцы должны прибыть в Казерту, переговоры с ними ограничатся подписанием безоговорочной капитуляции немецких сил в Северной Италии, которую проведет Александр. Советских офицеров попросили присутствовать при всех подобных переговорах, чтобы советское правительство удостоверилось, что все сделано именно так. Где бы ни возникла возможность дискуссии между нашими тремя державами по политическим, а не просто военным вопросам капитуляции, само собой разумеется, в них должны участвовать все три державы. В заключение говорилось, что после данных объяснений решено идти уже известным путем, и союзники надеются, что Советский Союз будет участвовать во всех встречах в Казерте. В тот же день аналогичное письмо Молотову направил Кларк Керр.

Советское правительство имело веские причины знать, как будет организована капитуляция на Итальянском фронте. Оно имело право быть уверенными, что капитуляция не позволит немцам перебросить войска и снаряжение из Италии на Восточный фронт. Американцы и британцы полностью понимали опасения Советского Союза и никоим образом не были намерены причинять какой-либо вред советским войскам соглашениями, которые могут быть приняты в Казерте. С другой стороны, они боялись, что русские из соображений тактики или престижа могут поставить условия, которые вызовут неоправданную отсрочку. Возможно, советское правительство действительно не хотело, чтобы капитуляция в Италии произошла до прорыва на востоке. Несколько дней спустя Эйзенхауэр, упоминая о возможности такого развития событий на Западном фронте, заметил: «Боюсь, если русские поставили вопрос о капитуляции сил Кессельринга, то, что я мог бы урегулировать в течение часа, может продлиться три-четыре недели с тяжелыми потерями для наших войск».

Однако советское правительство ничего не принимало на веру. В следующем ответе Молотова от 22 марта прозвучало явное подозрение, что за спиной русских что-то происходит, если уже не произошло. По сути, в нем говорилось, что американцы и британцы лгут. В течение двух предыдущих недель советское правительство чувствовало, что за его спиной ведутся настоящие переговоры с представителями немецкого командования. Советское правительство считает это совершенно недопустимым и снова настаивает на прекращении переговоров. «В данном случае, – говорилось в письме, –

советское правительство видит не непонимание, а нечто худшее».

Теперь Рузвельт проявил осторожность. В послании Сталину (отправленном 24 марта и доставленном, вероятно, 25 марта) он писал, что, вероятно, советскому маршалу были представлены неточные сведения. Подробно изложив ход событий, он сообщил, что пока попытки наших представителей организовать встречу с уполномоченными немецкими офицерами не увенчались успехом, но по-прежнему представляется вероятным, что такая встреча возможна. Он подчеркнул, что долг американского правительства – оказывать всяческое содействие всем офицерам действующей армии, командующим вооруженными силами союзников, которые верят в возможность ускорить капитуляцию вражеских войск в их районе. Он упомянул и о параллельной возможности: немцы могут выкинуть белый флаг в Кенигсберге или Данциге. Было заявлено, что «в подобной капитуляции вражеских войск не может быть никакого нарушения согласованных нами принципов безоговорочной капитуляции и никакого политического подтекста». Он продолжил, что был бы очень рад «при любом обсуждении деталей капитуляции командующим нашими американскими войсками на поле боя воспользоваться опытом и советом любых из Ваших офицеров, которые могут присутствовать». Но, говорилось в заключительной части его послания, он не может согласиться на приостановку рассмотрения этой возможности из-за возражения Молотова по каким-то совершенно непонятным ему причинам.

В ответе Сталина от 29 марта чувствовалось полное недоверие. Он выдвинул претензию, что немцы используют переговоры в Швейцарии как дымовую завесу, приводящую в замешательство англо-американское командование в Италии; и что, пока идут эти переговоры, нацисты перебросили из Италии на Восточный фронт три дивизии. «Это обстоятельство, – заявил он, – нервирует советское командование и создает почву для недоверия».

Объединенный комитет начальников штабов был немало расстроен этим клеветническим обвинением. Маршалл и Лихи тщательно разработали ответ, который отплатил Сталину его же монетой. Он был послан в виде личного обращения Рузвельта к Сталину. Немного раньше, чем это послание оказалось на столе Сталина, Гарриман вместе с Кларком Керром передали в Кремль важное послание Эйзенхауэра к Сталину. Оно касалось координации наступлений с запада и востока и планов соединения американско-британской и советской армий. Но об этом и последовавшем охлаждении отношений между американским и британским правительствами будет подробнее рассказано в другом месте.

Здесь же достаточно заметить, что планы очень понравились Сталину. В докладе президенту о беседе со Сталиным вечером 31 марта, где речь шла о предложении Эйзенхауэра, Гарриман писал: «Я сожалею, что не получил до нашей беседы Вашего последнего послания, касающегося встречи в Берне, которое я послал маршалу Сталину письмом [1 апреля]. Судя по настроению, в котором он пребывал в конце нашей беседы, я чувствую, что, если бы я передал ему Ваше послание лично, мне бы удалось докопаться до подлинной причины странного поведения Советов в связи с этим инцидентом».

В своем последнем сообщении Сталину Рузвельт писал: «Мне кажется, что в процессе обмена посланиями относительно возможных будущих переговоров с немцами о капитуляции их вооруженных сил в Италии, несмотря на то что между нами обоими имеется согласие по всем основным принципам, вокруг этого дела создалась теперь атмосфера достойных сожаления опасений и недоверия». Далее президент повторил, «что если будут какие-либо переговоры, то они будут вестись в Казерте все время в присутствии Ваших представителей». «Не может быть и речи о том, – продолжал он, – чтобы вести переговоры с немцами так, чтобы это позволило им перебросить куда-либо свои силы с Итальянского фронта. Если и будут вестись какие-либо переговоры, то они будут происходить на основе безоговорочной капитуляции». Он отрицал, что отсутствие наступательных операций союзников в Италии является следствием каких-либо надежд на

соглашение с немцами; перерыв в наступательных операциях в Италии в последнее время объясняется главным образом недавней переброской войск союзников с этого фронта во Францию. Примерно через десять дней Александер собирается начать новое наступление в Италии; у него будет только семнадцать надежных дивизий, которым предстоит противостоят двадцати четырем немецким дивизиям, но тем не менее будет сделано все возможное, чтобы воспрепятствовать какой-либо переброске германских войск из Италии. Президент напомнил Сталину, что инициатива капитуляции исходит от немецкого офицера, о котором известно, что он близок к Гиммлеру, и вполне вероятно, его целью является посеять подозрение и недоверие между союзниками. «У нас нет никакой причины, – заключил он, – позволить ему преуспеть в достижении этой цели».

В переговорах в Швейцарии произошел поворот, который, вероятно, может объяснить последующий резкий ответ Сталина. Вольф сталкивался с серьезными трудностями на каждом шагу выполнения своего плана, намеченного в беседе, состоявшейся 19 марта в Асконе. До 30 марта о нем не поступало никаких известий. Потом американцы узнали, что ему удалось добраться до Кессельринга и вернуться в Италию, но связаться с Витингоффом оказалось сложно; что его предупредил Гиммлер, и теперь за ним и его семьей ведется усиленная слежка. В послании, полученном от него, говорилось: «Готов прибыть на заключительную беседу с целью урегулирования спорных вопросов. Надеюсь прибыть с Витингоффом или офицером штаба». Встречу с Вольфом назначили на 2 апреля, но в Локарно прибыл только Парилли, объяснив, что Вольф в данный момент не решился уехать из Германии. Но он доложил, что Вольф встретился с Витингоффом и заручился его одобрением.

В ходе этих переговоров Парилли, вероятно выполняя указание этих двух немецких командующих, намекнул, что их устроило бы соглашение, которое позволило бы их войскам после капитуляции пересечь итальянскую границу. Ему ответили, что этот вопрос даже не обсуждается. Всем участникам этой акции снова стало ясно, что представители Александра заинтересованы только в том, чтобы на переговоры с британскими, русскими и американскими властями о капитуляции немцы могли послать того, кого захотят. С помощью пароля «Нюрнберг» эти люди смогут пройти через линию фронта союзников прямо в штаб Александра в Казерте или через Швейцарию под охраной союзников.

Может быть, отчет обо всех переговорах или части их в искаженной форме передали Сталину его агенты или те, кого он считал своими агентами. Сталин, как мы увидим, не скрывал того факта, что у него есть собственные источники информации. Возможно, он следил за всеми передвижениями Вольфа и сделал неверные выводы из поездки Вольфа в штаб Кессельринга на Западном фронте и возвращения в Италию, решив, что Вольф действует в качестве посредника, организующего капитуляцию нового командующего на западе – Кессельринга.

Подозрительный Сталин, вероятно, был склонен верить, что к обману прибегали из-за видимых успехов союзных сил на западе в конце марта и начале апреля. Значительные силы под командованием фельдмаршала фон Моделя оказались в кольце диаметром примерно в восемьдесят миль в Рура в Центральной Германии.

К югу от Рура американские силы, встретив лишь слабое сопротивление, заняли Франкфурт и, повернув на север, устремились к Касселю и Падерборну. Немецкая армия на западе терпела поражение за поражением, и в первые две недели апреля западное командование предполагало взять в плен больше полумиллиона немецких солдат.

Каковы бы ни были причины, в письме Сталина Рузвельту от 3 апреля звучали еще более сильные сомнения. Он высказал мысль, что поскольку президент утверждает, что до сих пор не велось никаких переговоров с немцами, значит, он плохо информирован. «Что же касается моих военных коллег, – продолжал советский маршал, – они, на основании имеющейся у них информации, не сомневаются, что переговоры имели место и в

результате их было заключено соглашение с немцами, на основании которого командующий немецким Западным фронтом фельдмаршал Кессельринг согласился открыть фронт и позволить англо-американским войскам продвинуться на восток, за что англо-американцы пообещали облегчить им условия мира. Полагаю, мои коллеги близки к истине».

Еще более оскорбительным было заявление Сталина, будто в результате этих событий немцы на Западном фронте прекратили борьбу с американско-британскими войсками, но продолжают сражаться против русских. Это, заключал он, вряд ли может служить поддержанию доверия между нашими странами и может принести лишь одномоментную выгоду.

В тот же день, 3 апреля, когда Сталин выдвинул эти обвинения, офицеры штаба Александра готовились к отъезду из Швейцарии, так как от немецких эмиссаров не поступало никаких вестей.

Они оставили письмо Вольфу, в котором просили передать Витингоффу, что Александр всегда будет рад видеть полномочных представителей, чтобы принять у них капитуляцию.

Сталина и советский Генеральный штаб информировали об этом 4 апреля.

До сих пор Черчилль, в отличие от Рузвельта, не принимал личного участия в этой неприятной схватке. Может быть, он поступал так потому, что ни Сталин, ни Рузвельт до сих пор не прислали ему копий своих посланий друг к другу, а может быть, просто хотел с достоинством избежать еще одного столкновения со Сталиным, с которым у него в это время возникли острые разногласия по поводу Польши. Вполне вероятно, что премьер-министр и министерство иностранных дел не были вполне уверены, что первоначальное требование русских следовало отклонять. Как явствует из его мемуаров, он верил в возможность того, что переговоры в Швейцарии могут выйти за рамки договоренности о встрече в Казерте, перейдя в «мирные переговоры и „копание“ в политических проблемах».

Но Сталин и его советники не знали об этих сомнениях британцев. В заговоре, о котором они подозревали, первое место отводилось британцам. Они помнили прошлые старания Черчилля остановить большевизм; сыграло свою роль и то, что Александр был британцем. А может быть, все дело было в том, что русские чувствовали личную неприязнь Рузвельта к Черчиллю. В такой ситуации Москва могла неправильно истолковать его молчание.

Рузвельт был возмущен обвинением Сталина в том, что американские и британские друзья обманывают его. Он был раздражен уверениями Сталина, что его плохо информируют собственные помощники. По его распоряжению генерал Маршалл и адмирал Лихи подготовили твердый, но сдержанный ответ на экспансивное обвинение Сталина. Оно было доставлено 5 апреля. Президент писал, что его потрясли заявления Сталина. Он с полным на то основанием отрицал их достоверность и надежность. Он снова повторил, что Эйзенхауэр, согласно полученным указаниям, будет требовать безоговорочной капитуляции для вражеских войск на его фронте, а ускорение продвижения союзных войск на западе вызвано только военными обстоятельствами, а не секретными переговорами. В заключение президент сказал: «...было бы величайшей трагедией, если бы в тот момент, когда победа у нас в руках, такое недоверие поставит под удар все дело после колоссальных жертв – людских и материальных. Откровенно говоря, я не могу не чувствовать крайнего негодования в отношении ваших информаторов, кто бы они ни были, в связи с таким гнусным, неправильным описанием моих действий или действий моих доверенных подчиненных».

Черчилль, извещенный Рузвельтом об этой переписке, тотчас же ответил, что британское правительство полностью согласно с этим решительным посланием. «В целом, – заметил он, – я склонен считать это не более чем естественным выражением

досады или ревности. Поэтому я считаю чрезвычайно важным, чтобы две наших страны оказали твердое и решительное сопротивление с целью разрядить обстановку и дать им понять, что есть грань, которую не позволено переходить».

Премьер-министр направил и Сталину аналогичное послание.

Но Сталин не верил ничему. В ответах, адресованных отдельно президенту и премьер-министру, он продолжал отстаивать свою точку зрения. Он отрицал все сомнения в честности и надежности обоих, но заявлял, что главный вопрос заключается в том, как союзники поладят между собой. Если кто-то из них потребует своего участия в какой-либо дискуссии по капитуляции, очень важно, чтобы такой шанс был ему предоставлен. Американцы и британцы ошибались, отказывая русским в участии в переговорах в Швейцарии. «Я все же думаю, – писал он, – что точка зрения русских единственно верная, так как она предотвращает возможность взаимных подозрений и мешает врагу сеять между нами недоверие». Он сознался, что ему было трудно победить собственное недоверие. «Тяжело признавать, что отсутствие сопротивления немцев на Западном фронте является лишь результатом их слабости». После небольшого описания действий немцев на Восточном фронте Сталин заключал: «Согласитесь, что подобное поведение немцев более чем любопытно и непонятно».

Немцы твердо удерживали позиции на фронте, проходящем от Балтики до северных регионов Чехословакии. Они также ожесточенно сражались в Венгрии и, удерживая Братиславское ущелье, перекрывали ближайший путь на Вену.

Интересно, что Черчилль тоже был озадачен немецкими стратегическими действиями, считая это предвестием того, что Гитлер может быть, планирует отступить в Южную Германию и попытается продолжить там борьбу. В меморандуме от 17 марта с просьбой к генералу Исмею дать на это пояснения начальников штабов он писал: «Странное сопротивление оказывал он [Гитлер] в Будапеште, а теперь оказывает на озере Балатон, а удержание армии Кессельринга в Италии пока подтверждает подобные намерения». Затем он, однако, добавил: «Но конечно, он [Гитлер] настолько упрям, что его действия, возможно, не имеют никакого смысла».

Что касается надежности своих информаторов, Сталин ручался за них, как в высшей степени честных и скромных людей, надежность которых проверена на практике. Судите сами, писал он, в феврале прошлого года генерал Маршалл передал в советский штаб информацию о планах немцев на Восточном фронте, которая вызвала сомнение этих агентов. Сведения Маршалла оказались ложными, а информация наших агентов – верной. Только благодаря этому Красной армии удалось избежать катастрофы.

Заметим вскользь, что, кто бы ни были информаторами Сталина, теперь они вводили его в заблуждение. Курс, которого придерживались американцы и британцы, строго соответствовал их заверениям. Вольф, получив послания союзников, переданные Парилли 3 апреля, провел еще несколько встреч с Витингоффом. Отчет о них 9 апреля привез Парилли вместе с посланием от Вольфа, снова подтверждающим, что он считает дальнейшее сопротивление немцев бессмысленным и готов отвечать за последствия ситуации. Однако, по-видимому, говоря также и от имени Витингоффа, он искал гарантий сохранения результатов капитуляции и возможности переброски немецких войск на восток. Гарантии, собственно, включали отступление (Abzug) с воинскими почестями после прекращения военных действий и сохранение ограниченного контингента группы армии, как будущего инструмента порядка внутри Германии.

Парилли также заявил, что немецкие командующие в Италии, якобы для того, чтобы ускорить капитуляцию, совместно выразили настойчивое требование заранее просмотреть набросок текста капитуляции, который им предстоит подписать.

Ответ, полученный на эти подозрительные предложения, был прямо противоположным тому, о чем говорил Сталин. Меморандумы Парилли и его отчет о переговорах были тотчас же направлены в Казерту. Александер полностью согласился с мнением представителей Бюро стратегических служб, что требование предоставить текст

капитуляции выглядит коварным и похоже на попытку втянуть союзников в нечто похожее на переговоры. Поэтому Штаб союзных сил дал указание представителям Бюро стратегических служб уведомить Вольфа, что копия текста капитуляции будет передана немецким парламентариям только по прибытии их в Штаб союзных сил и по предъявлении ими документов, удостоверяющих их полномочия. Это послание Вольфу было передано Парилли 10 апреля. Во всех хитросплетениях этих прерванных в будущем контактов не было и намека на отступления ни от этого принципа, ни от процедуры.

Вот и вся правда о переговорах с немцами о капитуляции, так возбудивших Сталина. Черчилль был готов дать Сталину помучиться от своих подозрений. Что касается последнего послания, только что полученного от Сталина, которое было мягче, он заметил Рузвельту: «У меня такое чувство, что это лучшее, что мы от них получим, и, безусловно, это чуть ли не извинения». Но Рузвельт дал Сталину последний, короткий ответ, свой самый последний ответ этому главе государства:

«Благодарю Вас за Ваше искреннее объяснение советской точки зрения в отношении бернского инцидента, который, как теперь представляется, поблек и отошел в прошлое, не принеся какой-либо пользы. Во всяком случае, не должно быть взаимного недоверия, и незначительные недоразумения такого характера не должны возникать в будущем. Я уверен, что, когда наши армии вступят в контакт в Германии и объединятся в полностью координированном наступлении, нацистские армии распадутся».

Гарриман, прежде чем передавать это послание Сталину, спросил президента, не хочет ли он опустить слово «незначительные». По его мнению, оно может быть неправильно понято в Москве, и он считает, что недоразумение было «крупным». Рузвельт ответил, что опускать ничего не нужно, поскольку он хочет считать случившееся недоразумением.

Одновременно он написал Черчиллю:

«Я бы свел к минимуму основную советскую проблему, так как эти проблемы, в той или иной форме, похоже, возникают каждый день, и большинство из них разрешаются, как в случае со встречей в Берне. Однако мы должны быть твердыми, ведь до сих пор мы шли по верному пути».

Продолжение политики Рузвельта-Трумэна

Нигде яснее, чем в этом последнем послании Сталину, не проявился оптимизм Рузвельта, с которым он брался за урегулирование наших отношений с советским правительством. Он собирался действовать исходя из предпосылки, что терпением, доказательствами доброй воли и честной цели можно победить недоверие советских властей и они, на благо всего человечества, станут добрыми партнерами. К этому он стремился до последнего вздоха. Это, наверное, было нелегко, учитывая отрицательные ответы Сталина на многие вопросы. Кроме того, к концу жизни на него могло повлиять навязываемое ему мнение, будто советское правительство надо вести по верному пути не дружбой и великодушием, а противостоянием и обходиться с ним методом кнута и пряника. Подобный совет ему дал один из его самых близких помощников. Черчилль придерживался именно такого мнения, но на самом деле британский лидер и не менял его. Он сдерживался лишь из военных соображений, прекрасно сознавая необходимость поддержания дружеских отношений с советским правительством.

Причины изменения нашего способа обхождения с советским правительством, вероятно, яснее всего отражены в двух посланиях, которые Гарриман отправил из Москвы Стеттиниусу. Первое было отправлено 4 апреля, на следующий день после

обвинительного послания Сталина, касающегося переговоров в Берне, и выражено в комментарии по поводу американской политики в области поставок продовольствия. В пересказе оно выглядит примерно так:

«Что касается политики, мы теперь имеем множество доказательств того, что советское правительство все вопросы рассматривает с точки зрения своих эгоистических интересов. Русские представили в выгодном для себя свете сложную ситуацию с продовольствием в регионах, освобожденных нашими войсками, таких, как Италия, Бельгия и Франция... В регионах, находящихся в нашей зоне ответственности, коммунистические партии и их сторонники используют экономические трудности для подрыва влияния западных союзников и содействия концепциям и политике Советского Союза... Советский Союз и правительства меньшинства, которые Советы навязывают народам Восточной Европы, имеют цели прямо противоположные нашим. Мы должны признать, что советская программа является установлением тоталитаризма, кладущим конец личной свободе и демократии, которую мы любим и уважаем».

Второе послание (отправленное 6 апреля) в аналитической мысли зашло дальше. «Уже в течение нескольких месяцев заметно, – говорилось в нем, – что советское правительство в своей внешней политике придерживается трех линий:

1. Всеобъемлющее сотрудничество с Соединенными Штатами и Британией во всемирной организации безопасности;
2. Создание собственного кольца безопасности путем установлением господства в пограничных государствах;
3. Проникновение в другие страны путем насилия над демократическими процессами с помощью местных коммунистических партий и использования экономических трудностей.

Остается надежда, что советское правительство ради продолжительного сотрудничества ограничит свои цели, нарушающие равновесие. Но оно, конечно, на это не пойдет; оно, безусловно, сделает все возможное, что бы ни ожидалось от всемирной организации мира, чтобы создать кольцо безопасности вокруг Советского Союза путем контроля над пограничными государствами».

«По крайней мере, – продолжал посол, – советское правительство уверено, что ему удастся заставить нас согласиться с этим. Поэтому, когда мы сопротивляемся, оно платит нам тем же, например, когда Сталин отказался послать Молотова на конференцию в Сан-Франциско, хотя знал, какое значение мы придаем ее успеху. Есть много доказательств того, что наше отношение, которое я считаю великодушным и тактичным, рассматривалось как признак нашей слабости и потребности в сотрудничестве с ними. Урок, преподанный Москве, заключается в том, что мы должны платить той же монетой: мы должны отстаивать позиции, неприятные для советских властей, если они будут отстаивать позиции, неприятные для нас; и причинять им вред, если они причинят вред нам. Именно таким образом, кажется мне, нам удастся заключить соглашение с Советским Союзом на приемлемых условиях». Посол добавил, что, предлагая этот совет, он надеется, что его не поймут превратно. «До недавнего времени спорные вопросы, возникавшие у нас с Советами, были относительно мелкими в сравнении с их вкладом в войну, но теперь нам надо устанавливать новые отношения. Я, как Вам известно, являюсь самым серьезным защитником наиболее тесных взаимопониманий с Советским Союзом, поэтому я лишь пытаюсь найти лучший способ достижения этого взаимопонимания».

Это мнение о необходимости изменения основы отношений с советским правительством постепенно переросло в твердое убеждение, разделяемое послом Гарриманом и генералом Дином. Посла больше всего шокировала и встревожила его неудачная попытка заключить в комиссии соглашение по реорганизации польского

правительства. Кроме того, на его чувства и суждения повлияли многие действия Советского Союза, которые он считал недружественными и алчными. Вот некоторые из них:

1. Отказ на нашу просьбу послать в Польшу контактные команды с целью помощи в эвакуации военнопленных американцев, противоречащий соглашению, заключенному в Ялте.

2. Закрытие аэродрома в Полтаве на том основании, что он стал неэффективным. Это оправдывало задержание летчиков, последовавшее после нескольких признанных инцидентов, когда они помогали польскому подполью и даже поспособствовали нескольким людям бежать из Польши.

3. Отказ в нашей просьбе разрешить послать в Москву миссию с целью договориться об использовании американцами аэродромов близ Будапешта.

4. Игнорирование неоднократных требований улучшить курьерскую, почтовую и морскую службы, обеспечивающие связь американского посольства в Москве с внешним миром.

5. Нежелание позволить американским морским офицерам вести наблюдение за разгрузкой американских судов, обеспечивающих поставки от Организации помощи и реабилитации странам антигитлеровской коалиции в порту Констанца.

Добавим, что и Гарриман, и Дин чувствовали, что с ними и их персоналом зачастую обходятся оскорбительно.

На поведение Рузвельта влиял его опыт, но способ, которым Советский Союз стремился достичь определенных социальных целей, к которым стремился и он, не очень нравился ему. Не осталось свидетельств порывов его ума и души, которые бы рассказали нам, до какой степени в этот последний и наиболее трудный период его пребывания в должности, незадолго до смерти, отказ следовать совету Гарримана согласуется с его собственным взглядом на факты и проблемы.

Союзникам, столкнувшимся со сложностями в отношениях с Советским Союзом, потребовалось сделать паузу прежде, чем изменить способ обхождения с ним, несмотря на то что они были общими врагами Германии. Если даже цели Советского Союза в Европе окажутся именно такими, как говорилось, можно ли помешать их осуществлению имеющимися у нас мерами? Можно ли их сдержать противодействием, если мы не хотим надолго оставлять американскую армию в центре Европы? Даже если это можно сделать, не лишимся ли мы помощи русских в войне против Японии? В общем, не практичнее и не перспективнее ли продолжать влиять на Советский Союз дружбой и пониманием его нужд? Не станут ли многочисленные вопросы, по которым возникли особенно острые разногласия, например состав польского правительства и поведение контрольных комиссий в некоторых странах Восточной Европы, со временем не такими уж важными?

В Варм-Спрингс Рузвельт выглядел усталым человеком, надеющимся вернуть нормальную силу и здоровье. Его все больше и больше занимали мысли о встрече, которая вскоре начнется в Сан-Франциско, но каждодневные события постоянно отвлекали его от этих мыслей. Какая цена должна быть и будет заплачена за успех этой встречи? Такая, думал, наверное, он, которая будет оправдана верой и справедливостью. С таким вот широким спектром важных и запутанных проблем столкнулся Трумэн.

Трумэн решил не отступать от курса Рузвельта и не отказываться от его методов до тех пор, пока они не окажутся полностью бесплодными. Он воздержался от действий, направленных только на то, чтобы отомстить Советскому Союзу за какой-либо отказ или оскорбление. Он не стал прибегать к возмездию. И что очень важно, он сопротивлялся совету, столь искусно данному Черчиллем, чтобы ходом военных действий в Европе положить предел экспансии советского влияния; и чтобы наши силы оставались в Европе до тех пор, пока это будет необходимо для того, чтобы помешать Советскому Союзу вести себя столь деспотично. Все, что он вынужден был делать, продолжая попытки умерить

желания и намерения Советского Союза, имело целью отсрочить принятие соглашений о помощи американцев в восстановительных работах в Советском Союзе после войны.

Следуя этому курсу, Трумэн чувствовал себя верным идеям и идеалам военачальника, в наследство от которого ему достались эти важнейшие вопросы. Уверенность ему придавал тот факт, что он действовал при надежной поддержке адмирала Лихи, секретаря Стимсона, генерала Маршалла и других военных советников, на которых он полагался.

Примечательно, что в начале марта Объединенный комитет рассмотрел программу возмездия и давления, представленную генералом Дином, и не одобрил ее. Он категорически высказался против более поздних подобных предложений, несмотря на многочисленные отрицательные ответы Советского Союза на требования по различным военным вопросам, тон которых становился все грубее.

На американцев произвело впечатление, как русские выполняли свои военные обязательства. Они прохладно относились к мерам возмездия и ограничениям, которые могли бы помешать участию Советского Союза в войне на Тихом океане. Маршалл на встрече в Белом доме 23 апреля, прямо после того, как Стеттиниус доложил, что его переговоры с Молотовым по Польше проходят «в высшей степени неудовлетворительно», заявил: «...он надеется на вступление Советского Союза в войну против Японии тогда, когда это будет полезно для нас. Русские вправе отложить свое вступление в войну на Дальнем Востоке до тех пор, пока мы не сделаем всю грязную работу... и он склонен согласиться, что упустить шанс было бы серьезной ошибкой».

Американцы с опаской относились к военным планам или обязательствам с «политическими» целями. Прежде чем предпринять шаги, которые могли бы привести Советский Союз в негодование, они еще раз проверяли, что можно сделать путем дружеских объяснений и длительных переговоров.

Таким образом, пока война заканчивалась, Трумэн тщательно выполнял все соглашения, заключенные Рузвельтом, даже те, которые внушали ему тревогу, как, например, ялтинское соглашение по Дальнему Востоку. Хотя некоторые из его советников, к примеру Гарри Гопкинс и Джозеф Дэвис, были склонны критиковать перспективы британско-русского соперничества за власть, он приветствовал теплые и сдобренные иронией замечания Черчилля. Трумэн стремился лично встретиться с Черчиллем и Сталиным. Когда ему пришлось отказаться от этого из-за неотложных дел в Вашингтоне, он отправил в Москву и Лондон дипломатических представителей, которым поручил обсудить с этими главами государств полный спектр нерешенных проблем в Европе и на Дальнем Востоке и подготовить почву для будущей конференции. Он приложил все силы и дар дипломата, чтобы в Сан-Франциско появилась Хартия нового мира, в соответствии с которой военная коалиция постепенно распадалась.

Великие стратегические решения – весна 1945 года; капитуляция Германии

После многих решений о стратегии на Восточном фронте, достигнутых на встречах на Мальте и в Ялте, казалось, что курс ясен до конца. Но теперь возникли разногласия между американцами и британцами, почти столь же тревожные, как и разногласия по второму фронту в 1942 году. Они продолжались до тех пор, пока немцы не сложили оружие, а затем распространились на последующую расстановку военных сил.

У американцев и британцев обнаружили три взаимосвязанных различия во взглядах на военную программу:

1. По каким направлениям должно проходить заключительное наступление с запада?
2. Должны ли наступления с запада остановиться вдоль линий, намеченных заранее, или продолжаться до тех пор, пока союзные войска не встретятся с русскими?
3. Должны ли послевоенные границы оккупационных зон считаться демаркационными линиями, или армии могут на неопределенный период задержаться на

заранее занятых позициях до тех пор, пока не будет заключено соглашение о времени и условиях отступления? И в особенности, должны или не должны эти силы на западе, перешедшие за линии оккупационных зон в Германии и Австрии или вошедшие в страны, граничащие с Советским Союзом, например в Чехословакию, уходить в заранее предназначенные им зоны, как только позволит военная ситуация?

Решение двух последних вопросов зависело от того, потребуется ли наряду с военной силой поддержка дипломатии с целью сдержать поступательное движение советской власти. Должны ли западные армии находиться по разные стороны баррикады, пока главы государств спорят о судьбе мира после войны?

Черчилль и британское министерство обороны были убеждены, что это правильно и необходимо. Фактически премьер-министр был так серьезно обеспокоен своими неудавшимися попытками завоевать расположение Москвы, что с грустью сделал вывод, что, если не занять подобную позицию здесь и сейчас, еще одна разрушительная война неизбежна. Американским властям, как гражданским, так и военным, претило как исказить (в их понимании) военные действия, так и откладывать исполнение соглашений (как они это понимали) с политическими целями. Они не теряли надежды на результат кропотливой работы дипломатии. Они не хотели рисковать ни конфронтацией с русскими, ни вовлечением американских войск в местные споры. Они стремились скорее закончить войну с Японией, не обременяя себя длительным военным контролем над центром Европы.

Вполне возможно, что, когда в Ялте были одобрены американо-британские планы проведения кампаний на Западном фронте, Эйзенхауэр намеревался позволить Монтгомери командовать всеми силами, вверенными ему для форсирования Рейна на севере и стремительного движения на Берлин. Если планировалось именно это, тогда в военных анализах ситуации можно найти несколько возможных причин для изменения этого плана.

Американская военная разведка 11 марта доложила, что передовые части генерала Жукова находятся всего в восьми милях от Берлина. Мало вероятно, что город долго сумеет выдерживать натиск русских. Если британско-американские войска стремятся попасть туда первыми, они могут многое потерять. Привлекали и остальные цели. Большинство военных заводов Германии были перемещены из Рура во внутреннюю часть страны. Ходили слухи, что немецкая армия готовится занять последнюю позицию на юге Альп, к востоку от Мюнхена и вдоль австрийской границы. Отчеты об этом были безосновательны, но внешне достаточно серьезны, чтобы генерал Маршалл в конце марта предложил направить американские войска именно туда.

Эти сведения, казалось, подтверждал факт перемещения многих департаментов правительства из Берлина в горы, а по данным разведки, немцы строили там бункеры и рыли траншеи. Однако большая часть этих сооружений предназначалась для размещения и защиты правительственных служащих, а не воинских частей. Регион сделали не твердыней, а убежищем.

Кроме того, на решение повлияло желание дать полный шанс американским войскам. Как резюмировал Пог:

«Неожиданное форсирование Рейна в Ремагене и Оппенгейме до главного наступления на севере и быстрое использование этого преимущества в двух регионах заставили войска генерала Брэдли играть основную роль в стремительном продвижении по Германии. Эти неожиданные удары судьбы захватили воображение людей, особенно в Соединенных Штатах, подкрепили требование командующего 12-й группой армий Брэдли об отведении ей более существенной роли в продвижении к Эльбе, чем она играла в период продвижения к Рейну. Кажется вполне вероятным, что генерал Эйзенхауэр тоже хотел дать 12-й группе армий увидеть, чего она стоит».

Верно или нет интерпретированы причины его действий, но 28 марта Эйзенхауэр информировал Монтгомери, что, выполнив стоящие перед ними задачи, американские дивизии 9-й армии Соединенных Штатов, включая группу армии Монтгомери, будут переброшены на юг и соединятся с американскими силами под командованием генерала Брэдли. Он объяснил, что, пока войска Монтгомери бросят все оставшиеся силы на рывок на восток и на север, основное наступление союзников будет проходить вдоль оси Эрфурт-Лейпциг-Дрезден и они соединятся с русскими на Эльбе к югу и к западу от Берлина. К югу от этого главного наступления 6-й группе армий генерала Деверса надлежало быть готовой двинуться по долине Дуная и встретиться с русскими где-нибудь в Австрии. Монтгомери, который хотел командовать 9-й армией Соединенных Штатов хотя бы до тех пор, пока не дойдет до Эльбы, был задет и разочарован. Он ответил, что, по его мнению, совершена большая ошибка. Но Эйзенхауэр настаивал на своем решении. К тому времени на Западном фронте сражалось втрое больше американских частей, чем британских.

Эйзенхауэр незамедлительно, 28 марта, вероятно чтобы исключить возможность дальнейших споров, отправил Сталину послание, в котором рассказал о своих планах и спросил мнение советского вождя о них. Насколько известно, он не удосужился предварительно информировать своего заместителя, главного маршала авиации Теддера, Объединенный комитет и Черчилля. Он, несомненно, рассчитывал на поддержку Объединенного комитета начальников штабов и президента, если его план и право напрямую сообщить о нем Сталину будут поставлены под сомнение.

В Ялте Объединенный комитет начальников штабов сообщил президенту, что, по их мнению, крайне желательно установить прямую связь между командующими на Западе и советским Генеральным штабом. Поскольку считалось, что для этого требуется официальное согласие Сталина, «...меморандум президента премьер-министру, включающий в себя меморандум с требованием маршалу Сталину согласиться на предложенный способ связи через военную миссию в Москве, был представлен президенту, подписан им и тотчас же отправлен премьер-министру» (записки Болена о встрече президента со своими советниками 4 февраля 1945 года). К сожалению, составителям ялтинских документов не удалось найти копию этого меморандума, включающего меморандум Сталину. Ответ Черчилля Рузвельту также не приведен ни в этом сборнике, ни в книге Черчилля. В тот же день Рузвельт лично сказал Сталину, что армии достаточно подготовлены к обоюдному контакту и он надеется, что генерал Эйзенхауэр сможет напрямую общаться с советским Генеральным штабом. Сталин согласился, сказав, что, по его мнению, очень важно и перспективно, чтобы штабы разработали в Ялте детали этого предложения. Затем на заседании Объединенного комитета 5 февраля фельдмаршал сэр Алан Брук заявил, что британские начальники штабов тоже заинтересованы в установлении связи с советским Верховным Командованием, и согласился, что военные миссии, аккредитованные в Москве, должны действовать как связующее звено на высшем уровне; генерал Антонов согласился с ним.

Из открытых отчетов так и не ясно, было ли решение, заключенное тремя военными штабами в Ялте, оформлено в виде директивы Эйзенхауэру прежде, чем он 28 марта отправил свое послание Сталину. Протоколы дискуссий в Ялте, несомненно известные ему, похоже, являются достаточной основой для предпринятых им шагов. Или, может быть, он считал, что вопрос уже урегулирован, если ему позволили послать Теддера в Москву для прямой беседы со Сталиным и советскими начальниками штабов. В мемуарах Эйзенхауэр лишь вспоминал, что, как главнокомандующий, он действовал в пределах своих прав общаться с Москвой «по чисто военным вопросам», согласно договору, заключенному в январе и одобренному Объединенным комитетом.

Из протоколов ялтинских дискуссий не видно, чтобы на них обсуждалось право Эйзенхауэра лично и напрямую обращаться к Сталину, хотя в них признавалось, что

Сталин, как глава советских вооруженных сил, будет диктовать ответы. Удивление видно в комментарии, сделанном Черчиллю секретарем британских начальников штабов: «...они [начальники штабов] никогда не обсуждали право обращения Эйзенхауэра напрямую к маршалу Сталину по вопросам нашей основной стратегии, ответственность за которую несет Объединенный комитет».

Вот тезисное изложение этого послания:

1. Целью безотлагательных (то есть текущих) операций является окружение Рура и уничтожение вражеских сил, защищающих его. Он полагает, что эта операция будет завершена к концу апреля, если не раньше.

2. Затем он приложит усилия к тому, чтобы разъединить силы противника, соединившись с советскими войсками.

3. Лучшим способом осуществить это соединение было бы наступление с запада от Эрфурта-Лейпцига-Дрездена.

4. Затем он постарается осуществить второй рывок навстречу советским войскам в регионе Регенсбурга-Линца на юге; а если это будет осуществлено, появится возможность предотвратить сопротивление немцев во всех укрепленных районах Южной Германии.

5. Прежде чем он примет окончательное решение по этому плану, было бы очень полезно как можно теснее скоординировать действия союзников с замыслами Советского Союза. Поэтому он просит Сталина ознакомить его с планами Советского Союза, чтобы оценить, насколько согласуются их намерения.

6. Он готов послать офицеров для осуществления полевой связи между наступающими силами союзников и наступающими силами Советского Союза и для обеспечения скоординированности действий.

Это можно резюмировать и истолковать следующим образом: предположительно, войска, направляющиеся с востока и запада, встретятся в этих местах; армии Брэдли будут двигаться на восток через Центральную Германию в направлении Лейпцига и Дрездена и где-нибудь на своем пути встретятся с наступающими русскими; на юге американские силы будут продвигаться через Нюрнберг, Регенсбург и по долине Дуная в Австрии, где они встретятся с находящимися на юге частями Красной армии; и, хотя в послании это изложено недостаточно четко, вскоре стало ясно, что Эйзенхауэр также планирует заставить армию Монтомери на севере двигаться к Бремену, Гамбургу и к Балтийскому морю и где-нибудь по пути встретиться с русскими.

Генерал Дин и адмирал Арчер, сопровождаемые американским и британским посланцами в Москве, вечером 31 марта передали Сталину послание Эйзенхауэра. Прочтя его, Сталин одобрил план Эйзенхауэра, но сказал, что более определенный ответ сможет дать, посоветовавшись с Генеральным штабом. Разговор, произошедший в тот вечер, говорит о многом. Напомним, что он состоялся через две недели после того, как 16 марта Молотов впервые потребовал прервать переговоры в Швейцарии, и за три дня до того, как 3 апреля Сталин в письме Рузвельту выразил уверенность, что за спиной Советского Союза совершаются какие-то тайные дела, в результате которых немцы прекратят сопротивление на западе, чтобы перебросить силы на восток.

Сталин поинтересовался, будет ли второе южное наступление производиться из Италии или с юга Западного фронта; ему ответили, что с Западного фронта. Он полубопытался о численности немецких дивизий, сражающихся на Западном фронте, и, похоже, на него большое впечатление произвело число захваченных там немецких военнопленных. Когда Гарриман напомнил ему об опасениях, что операциям Красной армии на этот раз могут помешать дороги и погода, Сталин ответил, что погодные условия лучше, чем ожидалось, и что в горах Чехословакии русские столкнулись с сильным сопротивлением немцев, но они уверены, что одолеют их, как это уже было на озере Балатон в Венгрии.

На следующий день, 1 апреля, Сталин послал Эйзенхауэру письменный ответ, в котором одобрил изложенный план, и рассказал о согласованной переброске войск,

которую намеревались произвести русские. Его основные пункты имеют решающее отношение к последующим событиям. Итак, Сталин:

1) полностью согласился с идеей соединения сил в регионе Эрфурта-Лейпцига-Дрездена;

2) заявил, что советское Верховное Командование намерено нанести главный удар именно в этом направлении;

3) утверждал, что оно также поддерживает план второго, дополнительного соединения где-нибудь в районе Вены, Линца или Регенсбурга;

4) подтвердил мнение, что Берлин больше не имеет того стратегического значения, которое имел раньше, и сказал, что поэтому только второстепенным советским силам будет поручен берлинский выступ;

5) сообщил, что советские войска начнут главное наступление примерно во второй половине мая, а еще одно наступление в регионе Вены – Линца, добавил он, уже готовится. Но он объяснил, что этот план можно скорректировать в связи с обстоятельствами; например, если немецкие войска отступят, даты можно перенести на более ранний срок. Многое зависит и от погоды;

6) информировал, что Генеральный штаб рассмотрел, как улучшить связь между двумя армиями, и о решении сообщит Эйзенхауэру позже;

7) и, наконец, заметил, что, по данным разведки, численность вражеских сил на Восточном фронте постепенно увеличивается. Кроме 6-й танковой армии СС, три дивизии переброшены из Северной Италии и две дивизии из Норвегии.

Эйзенхауэр тотчас же отправил копию этого послания Объединенному комитету «для информации». Как только премьер-министр узнал об этом, он спросил главнокомандующего о его планах. 30 марта Эйзенхауэр объяснил их Черчиллю точно так же, как и в послании к Сталину. Черчилль был недоволен по нескольким причинам. Во-первых, ему казалось, что Эйзенхауэр превысил свои полномочия, напрямую советуясь со Сталиным; затем он полагал, что в своих планах тот выходит за рамки чисто военных вопросов, потому что, говоря о контактах между наступающими армиями, он определял основную стратегию с политическими последствиями; и вообще, сами планы он считал неразумными. Британские начальники штаба тоже были недовольны, считая, что их отстраняют, и тотчас же попросили отложить все переговоры с русскими.

Американские начальники штаба наотрез отказались останавливать Эйзенхауэра. Они защищали его стратегию как здравую, а действия как необходимые.

«Битва в Германии, – резюмировал Черчилль мнение американцев, – достигла того этапа, когда полковому командующему приходится самому судить, какие решения следует принять. Намеренный отказ от использования слабости противника представляется неразумным. Единственной целью должна быть быстрая и полная победа. Признавая, что эти моменты не имеют прямого отношения к главнокомандующему, начальники штабов Соединенных Штатов считают его концепцию здоровой и полагают, что он должен получить полную поддержку и продолжать свободно общаться с главнокомандующим советской армии».

Черчилль изложил суть дела президенту в послании, отправленном 1 апреля (в тот же день, когда Сталин получил послание президента, в котором тот уверял, что переговоры в Швейцарии о возможной капитуляции немцев в Италии носят лишь предварительный характер). Суть точки зрения Черчилля заключалась в том, что основная ось наступления с запада не должна перемещаться к югу от Эльбы и Берлина. Среди его доводов можно выделить два: 1. Взятие Берлина будет «главным сигналом о разгроме для немецкого народа». 2. Русские войска почти наверняка захватят Австрию и войдут в Вену. Если они также возьмут и Берлин, не будет ли это превышением власти? Вывод его был

таков: «Следовательно, я считаю, что с политической точки зрения нам следует как можно дальше зайти на восток Германии, и, если Берлин будет нам доступен, мы, безусловно, должны взять его». Заметим, что возражения, обоснованные военными причинами, которые британские начальники штабов сформулировали и поспешили передать американским соратникам, Черчилль нашел неубедительными. Он считал, что на них повлияла тревога, а не адекватная оценка ситуации и точка зрения, влияющая на действия Эйзенхауэра.

Эйзенхауэр пытался смягчить сопротивление премьер-министра, объяснив в послании к Черчиллю, отправленном 1 апреля, что, «чтобы обеспечить успех каждой из запланированных мною операций, я сначала сосредоточу войска в центре, чтобы занять необходимую мне позицию. Как мне сейчас кажется, следующим шагом должно быть форсирование Эльбы войсками Монтгомери, подкрепленными при необходимости американскими войсками, и достижение ими по крайней мере линии, включающей в себя Любек на [Балтийском] побережье». Относительно Берлина он не давал никаких обещаний; если город окажется доступным для захвата с запада, сказал он, почести будут разделены между американскими и британскими силами.

Черчилль признал, что мало чего добился. В своем ответе Эйзенхауэру от 2 апреля он снова повторил, что считает очень важным, чтобы западные армии «обменялись рукопожатиями» с русскими как можно дальше на востоке. 5 апреля он дружески заметил президенту, что изменения основного плана на самом деле меньше, чем показались при первом прочтении послания Эйзенхауэра к Сталину, и, чтобы выразить свои чувства, закончил так: «Одна из моих немногих латинских цитат: *Amantium irae amoris integratio est*». В министерстве обороны перевели это как «Милые бранятся – только тешатся» и направили Эйзенхауэру. На следующий день Черчилль в послании Сталину поддержал Рузвельта, защищающего переговоры в Швейцарии о возможной капитуляции в Италии.

Но эти открытые признания не завершили спора о том, стоит ли ценой невероятных усилий дойти до Берлина прежде русских. Объединенный комитет начальников штабов продолжал сопротивляться представлениям экзальтированных британцев. Он придерживался заключения, отраженного в меморандуме от 6 апреля: «Психологические и политические преимущества, которые даст возможный захват Берлина прежде русских, не должны исключать неотложных военных задач, которыми, по нашему мнению, являются уничтожение и расчленение немецких вооруженных сил».

Объединенный комитет позволил Эйзенхауэру инициировать события на Западном фронте, руководствуясь его прежними заявлениями и намерениями, которые он вновь подтвердил 7 апреля. Поэтому, когда Монтгомери попросил еще десять дивизий для главного рывка к Любеку и Берлину, Эйзенхауэр 8 апреля напомнил ему, что его основной задачей является поддержка наступления Брэдли с юга. Но, продолжил он, если Монтгомери удастся первым прорваться к Эльбе, тем лучше; а если потом, получив подкрепление, он сможет зайти за Эльбу к Любеку и Килью, это будет большая удача.

Таким образом, были установлены основные линии заключительного наступления с запада. Но несмотря на то, что никто не искал шанса дойти до Берлина раньше русских, этот шанс представился – не Монтгомери, а американцам – и был упущен. 11 апреля войска Соединенных Штатов под командованием генерала Симпсона, входившие в состав группы армий генерала Брэдли, дошли до Эльбы близ Магдебурга и на следующий день – день смерти Рузвельта – форсировали ее. Они находились всего в пятидесяти милях от Берлина. «Тогда, – писал позже Брэдли, – мы бы, вероятно, могли сделать рывок на Берлин, если бы хотели добиться этого любой ценой. Жуков еще не форсировал Одер, а Берлин уже находился на полпути между нашими войсками. Однако восточное направление для наступления Жукова было неизмеримо более удобным, нежели заболоченная дорога, низина, на которую мы вышли на западе».

Симпсон попросил у Брэдли разрешения идти на Берлин. Вряд ли это могло быть

одобрено без кажущегося отступления от плана Эйзенхауэра, который он представил Сталину и с которым, вероятно, Красная армия согласовывала свои планы. Во всяком случае, вместо этого «главнокомандующий приказал ему [предположительно, Брэдли, который передал приказ Симпсону] удержаться на Эльбе, повернув свои части на север в направлении Любека и на юг в направлении Национального укрепленного района».

Информировав 15 апреля Маршалла об этих решениях, Эйзенхауэр подчеркнул, что считает эти цели самыми важными; кроме того, он заметил, что бросить сейчас свои силы против Берлина «было бы глупо ввиду разницы в положении русских и наших сил... Да, мы захватили небольшой плацдарм за Эльбой, но нельзя забывать, что на этом берегу располагаются только наши передовые части, а основные силы находятся далеко позади». Некоторые источники, впрочем, в значительной степени приписывают эти решения трудностям снабжения передовых частей, а не другим военным идеям или физическим препятствиям. Наверное, это еще одно обстоятельство, повлиявшее на решение, но не думаю, чтобы оно было главным.

2 мая русские после двух недель кровопролитных, сокрушительных боев и мощного артиллерийского обстрела пробились к центру Берлина. Они первыми испытали мрачное чувство триумфа, увидев ужасные руины, и первыми промаршировали по городу в клубах дыма.

Даже после того, как Берлин перестал быть призом для того, кто сумеет войти туда первым, вопрос, как далеко продвигнутся американские или британские части, остался открытым. Британские начальники штабов хотели продолжить наступление. Черчилль был согласен с ними. В первых числах апреля он сообщил Рузвельту, что, по его мнению, основную выгоду надо извлечь из стремительного наступления на западе, пока советские войска еще не в состоянии начать решительное наступление на своем Центральном фронте, и «объединиться с русскими войсками как можно дальше на востоке».

Поскольку в этот период времени ни Эйзенхауэру, ни от него не поступало никаких новых распоряжений по этому вопросу, 18 апреля Черчилль пересмотрел свое предложение. В послании к Трумэну он предложил, что стремительное наступление американских войск через центр Германии, предполагаемой зоны советской оккупации, не следует останавливать до тех пор, пока Сталин не даст обещания поделиться излишками продовольствия, скопившимися в восточной зоне, с остальной частью Германии.

Но Объединенный комитет начальников штабов не хотел добиваться поставленных военных целей ценой человеческих жизней.

21 апреля Трумэн ответил, что считает вопрос о тактическом базировании американских войск в Германии чисто военным и полагает, что Эйзенхауэру следует предоставить свободу действий. Черчилль, разумеется, считал, что вопрос уже перерос из «тактического» в политический. Но он не мог поступить по-своему. К тому времени советские войска форсировали Эльбу и подходили к Дрездену. Эйзенхауэр, вероятно осуществляя план, о котором он заранее предупредил Сталина, решил остановить свое наступление на Центральном фронте на Эльбе и ее притоке Мульде. 21 апреля он сообщил русским, что собирается повернуть свои войска на север и на юг, чтобы уничтожить оставшиеся очаги сопротивления немцев.

Американские войска, зашедшие в одном месте за Эльбу, были отведены.

На юге к тому времени передовая часть 3-й армии под командованием генерала Паттона пересекла границу Чехословакии. Этим частям хватало сил и средств для того, чтобы продолжать дальше продвигаться по стране. Но Эйзенхауэр планировал направить силы в юго-западном направлении, вдоль границы Чехословакии к Дунаю и в Австрию к Линцу. Потом Эйзенхауэр решил направить оставшуюся часть сил Паттона дальше на восток Чехословакии, до линии Карлсбада, Пльзеня и Ческе-Будеевице. Посоветовавшись с Маршаллом, он 30 апреля информировал русских о своем намерении, и они с ним согласились. В конце апреля Красная армия находилась всего в семидесяти милях от

Праги, где вела ожесточенные бои. В послании Эйзенхауэра советскому Генеральному штабу от 30 апреля по этому вопросу говорилось: «3. От истока Мульде мои войска будут изначально держаться примерно границ Чехословакии 1937 года. Потом, если потребует ситуация, они смогут продвинуться к городам Карлсбад, Пльзень и Будеевице. Вас будут информировать о развитии моих оперативных планов. Замечу, что советские войска займутся освобождением восточных берегов Эльбы и Влтавы (Молдау) на этом участке фронта...»

Черчилль защищал самое мощное и широкое наступление, которое только возможно в Чехословакии, приведя свои доводы в послании Трумэну от 30 апреля. Он сказал, что, по его мнению, освобождение Праги и большей части территории Западной Чехословакии американскими войсками изменит послевоенную ситуацию в этой стране и повлияет на события в близлежащих странах; если же западные союзники не примут никакого участия в освобождении Чехословакии, она пойдет по пути Югославии. В заключение он отметил, как важно обратить внимание Эйзенхауэра на эти политические соображения, чтобы он смог воспользоваться любым подходящим шансом для вступления в эту страну.

Государственный департамент согласился, уведомив Белый дом, что, если американские части дойдут до Влтавы, проходящей через Прагу, нам скорее удастся договориться с Россией о зонах в Австрии и политике в Чехословакии. Маршалл запросил у Эйзенхауэра его мнение. Главнокомандующий ответил, что советский Генеральный штаб рассматривает операции в долине Влтавы (Молдау). Он сказал, что в его намерения входит уничтожение любых оставшихся немецких частей. Таким образом, «если вступление в Чехословакию желательно и если условия позволят, по законам логики мы прежде всего двинулись бы на Пльзень и Карлсбад. Я не предприму никаких шагов, которые считаю неразумными».

Президент и начальники штабов оставили решение за Эйзенхауэром.

4 мая он известил генерала Антонова, что, заняв регион Пльзеня – Карлсбада, хочет продолжить продвижение к Праге.

На следующий день, 5-го, когда Паттон перешел границу, пражское подполье восстало и передало по радио обращение к союзникам за помощью. Но Антонов энергично возражал против планируемого рывка Эйзенхауэра к Праге. Он просил главнокомандующего не направлять союзные войска в Чехословакии на восток от «первоначально намеченной линии», чтобы избежать смешения сил, и многозначительно заметил, что Красная армия, по его предложению, остановила наступление на Нижней Эльбе (имеется в виду линия Висмар-Шверин-Домиц).

Эйзенхауэр уступил требованиям Советского Союза, и американские войска дальше этих мест не заходили. Так, Красная армия одна вошла в Прагу через два дня после того, как была подписана капитуляция Германии. Русские не хотели, чтобы войска какой-нибудь другой страны делили с ними в глазах чехословацкого народа почет окончательной победы или освобождения.

Подобным же образом американская группа армий под командованием генерала Деверса, которая 30 апреля захватила Мюнхен, а 3 мая, за четыре дня до окончательной капитуляции Германии, была в Инсбруке, в Австрии, остановилась. Одна дивизия прорвалась к перевалу Бреннер, чтобы встретиться с русскими войсками, идущими с востока.

Но наступление на севере Германии не подвергалось ограничениям ни предыдущими соглашениями, ни возражениями Советского Союза. Эйзенхауэр настаивал на форсировании Эльбы и в подкрепление войск Монтгомери направил американские части на север. Эти войска прорвались через Гамбург к Любеку и Висмару на Балтике за день до русских.

На юге Австрии шло соревнование с югославами, которые хотели получить контроль над северо-восточными провинциями Италии и южной границей Австрии. Об этом деликатном споре, в течение нескольких недель угрожавшем вылиться в

вооруженное столкновение, будет рассказано отдельно.

Позже утверждалось, что нежелание американских властей сполна воспользоваться выгодной военной ситуацией было большой ошибкой. Сделай они это – говорили, Запад склонил бы советское правительство одновременно с их отступлением на запад отступить на восток. Как бы ни развернулись события, цель, очевидно, была бы достигнута только в том случае, если бы американское и британское правительства согласились держать свои войска на месте столько, сколько это понадобится.

Заключительные акты капитуляции были осуществлены искусно и с большой прямоотой. Советскому правительству не дали шанса отложить капитуляции в Италии и на Западном фронте или участвовать в них. Но ответы на предложения немцев не дали советскому правительству возможности заподозрить нечестную игру. Нацистские лидеры, обладавшие властью в эти последние роковые дни, до самого конца прилагали неимоверные усилия к тому, чтобы вбить клин между своими врагами. (Немецкое командование до самого конца считало, что западные союзники, из-за страха перед коммунизмом, вполне могут задуматься о сепаратном мире и установить фронт против советских войск. См. мемуары фельдмаршала Кессельринга, немецкого главнокомандующего на Западном фронте.)

Первый акт заключительной драмы прошел в Италии. После середины апреля положение немецкой армии в Италии стало безнадежным. Союзники начали финальное наступление. 21 апреля они захватили Болонью, а через два дня приступили к форсированию реки По. 24 апреля Вольф снова появился в Швейцарии с представителем Витингоффа и заявил о готовности ехать в Казерту для подготовки соглашения о капитуляции. Объединенный комитет разрешил принять их в Казерте. Как вскоре будет сказано, 25 апреля Сталина убеждали, в связи с предложением о капитуляции на Западном фронте, поддержанным Гиммлером, что американское и британское правительства считают единственно верной политикой безоговорочную капитуляцию на всех фронтах. Наконец 26 апреля его информировали о возобновлении контакта, имеющего целью соглашение о капитуляции в Италии, и попросили прислать советского представителя, чтобы присутствовать на любых переговорах, которые состоятся в штабе союзных сил в Казерте. Сталин тотчас же назначил генерала Кисленко, советского члена Консультативной комиссии в Италии.

28 апреля немцы прибыли в Казерту. На первой официальной встрече начальник штаба Александра ознакомил их с предлагаемыми условиями капитуляции. Они касались только военных вопросов и мер и гарантировали полную капитуляцию всех немецких и итальянских фашистских войск на этом фронте со всем оружием и снаряжением. Соглашение, заключенное 29 апреля, назвали «механизмом местной капитуляции». Оно было обращено к немецким и другим войскам под командованием или контролем немецкого главнокомандующего на юго-западе.

Оно обеспечивало «безоговорочную» капитуляцию. В нем содержались только военные положения. В одной из его первых глав, «Приказ стоять на месте», читаем: «Все войсковые соединения, части и подразделения немецких наземных сил, где бы они ни были, останутся на своих нынешних позициях и будут ждать дальнейших распоряжений от союзного командования». И это выбило из строя всю немецкую авиацию.

29 апреля немцы подписали, а тремя днями позже акт о капитуляции вступил в силу. Более полумиллиона немцев, которые еще находились на юге Альп, сложили оружие.

Полная капитуляция на всех остальных фронтах была не за горами. Американцы и русские встретились на Эльбе; британцы и русские собирались встретиться на Балтике близ Любека; русские группировались для рывка на последние укрепления Берлина. Узнав о решении Гитлера до последнего оставаться в своем подземном убежище в Берлине, Гиммлер взял инициативу в свои руки. Он решил говорить от имени немецкого правительства на том основании, что Гитлер больше не может этого делать, так

как изолирован, серьезно болен или уже мертв. В шведском консульстве в Любеке он встретился с графом Бернадоттом, главой шведского Красного Креста, и попросил этого посредника устроить ему встречу с Эйзенхауэром, чтобы капитулировать на всем Западном фронте. Бернадотт усомнился, будет ли принято это предложение, но согласился способствовать исполнению просьбы, если немецкие войска в Норвегии и Дании тоже капитулируют. Гиммлер заявил о готовности этих войск капитулировать перед британским, американским или шведским командующим. Когда его спросили, что он собирается делать, если западные союзники не примут его предложение, Гиммлер ответил, что примет командование Восточным фронтом и погибнет в бою.

Очевидно, он предполагал поспорить Запад с Россией, поскольку также добавил, что надеется некоторое время продолжать борьбу на востоке.

Американский и британский послы в Стокгольме Гершель Джонсон и сэр Виктор Маллет доложили о предложении Гиммлера своим правительствам. 25 апреля Черчилль тотчас же связался по телефону с Трумэнном.

Трумэн с Черчиллем согласились предупредить Гиммлера, что ему (или любому другому немцу) придется капитулировать перед всеми тремя союзниками одновременно и везде. Черчилль немедленно направил послание Сталину, в котором рассказал о предложении Гиммлера и добавил: «Поскольку это касается правительства его величества, не может идти речи ни о чем меньшем, кроме как об одновременной безоговорочной капитуляции перед тремя главными державами. Мы считаем, что Гиммлеру нужно сказать, что военнослужащие германских вооруженных сил, как одиночки, так и находящиеся в соединениях, должны повсюду сдать на месте союзным войскам или их представителям».

Трумэн согласился с ним и тотчас же отправил параллельное послание Сталину.

Сталин ответил Черчиллю: «Ваше предложение о предъявлении Гиммлеру требования безоговорочно капитулировать на всех фронтах, в том числе и на советском фронте, считаю единственно правильным. *Зная Вас, я не сомневался в том, что Вы будете действовать именно таким образом.* На ироничное отношение Черчилля к этой фразе указывает хотя бы тот факт, что в своих воспоминаниях он выделил ее курсивом. Там же Черчилль заметил, что это «...было самое сердечное послание, которое я от него когда-либо получал».

Трумэну Сталин ответил подобным же образом: «Считаю Ваш предполагаемый ответ Гиммлеру о безоговорочной капитуляции на всех фронтах, в том числе и на советском фронте, совершенно правильным. Прошу Вас действовать в духе Вашего предложения, а мы, русские, обязуемся продолжать свои атаки против немцев».

26 апреля американскому и британскому послам в Стокгольме было поручено передать этот ответ Гиммлеру.

Эйзенхауэр отправил Маршаллу послание, в котором выразил свое удовлетворение этим указанием. Он сказал, что, когда Черчилль позвонил ему, получив послание из Стокгольма, он, Эйзенхауэр, энергично посоветовал ему занять позицию, изложенную в указании, и Черчилль согласился, что предложение Гиммлера похоже на последнее, отчаянное усилие создать раскол между Западом и русскими. «В каждом шаге, который мы предпринимаем в последние дни, – добавил Эйзенхауэр, – мы пытаемся быть предельно осторожными в этом отношении».

Но Гиммлер исчез.

В копии завещания Гитлера, найденной в его бункере, главой немецкого государства и главнокомандующим вооруженных сил назван адмирал Дениц. По инициативе Деница 3 мая старшие немецкие офицеры передали в штаб Монтгомери предложение фельдмаршала Кейтеля, начальника штаба верховного командования вермахта (ОКБ), разрешить трем немецким армиям, действующим на русском фронте, отступить к западу от Эльбы, а также разрешить пройти через британский фронт к Шлезвиг-Гольштейну гражданским беженцам. Монтгомери отказался принять это предложение, имевшее целью

избежать капитуляции перед русскими, и отослал немецких эмиссаров обратно. На следующий день, 4 мая, адмирал фон Фридебург вернулся с полномочиями от Деница и Кейтеля безоговорочно капитулировать на фронте Монтгомери – на северо-западе Германии, в Голландии и Дании. Монтгомери согласился, и капитуляции были подписаны, а на следующее утро вступили в силу. Они считались тактическими капитуляциями на поле боя.

В тот же день, 4 мая, Эйзенхауэр доложил Военному департаменту, что представители адмирала Деница собираются прибыть в его штаб в Реймсе, по-видимому, для того, чтобы вести переговоры о капитуляции оставшихся немецких частей. Он сообщил, что известил русское командование о своем намерении требовать от немцев капитулировать перед русскими всем войскам Восточного фронта и перед ними – всем войскам Западного фронта, включая Норвегию; таким образом, капитуляции на обоих фронтах должны произойти одновременно. Советское командование одобрило этот курс. 5 мая адмирал фон Фридебург появился в Реймсе, а на следующий день к нему присоединился генерал Йодль. Согласно договору с советским командованием, в последующих за этим переговорах участвовали русские офицеры. Немецкие посланники стремились к капитуляции только перед западными союзниками. В этом им было отказано. Тогда они попытались на несколько дней отложить окончательный акт о капитуляции, чтобы эвакуировать подальше немецких солдат и гражданское население. Но Эйзенхауэр не хотел тянуть время. На переговорах, выступая от имени Эйзенхауэра, генерал Смит заявил, что приемлема только безоговорочная капитуляция перед русскими и западными союзниками. Затем он сказал, что, если немцы в ближайшее время не согласятся на это, «он [Эйзенхауэр] прервет все переговоры и плотным кольцом зажмет Западный фронт, силой помешав любому дальнейшему продвижению на запад немецких солдат и гражданского населения». «Я не вижу альтернативы, – доложил Йодль Деницу, – хаос или капитуляция». Ранним утром 7 мая он подписал ее под наблюдением советских и французских офицеров.

Из заключительного момента механизма капитуляции, который так кропотливо разрабатывала Европейская консультативная комиссия, не было извлечено никакой пользы. От него отказались в пользу гораздо более короткого акта о военной капитуляции, составленного в штабе Эйзенхауэра.

О причинах перемены остается только догадываться. Верховные штабы союзных экспедиционных сил не получили от Объединенного комитета определенного указания использовать этот механизм капитуляции и, может быть, не были уверены, одобрили ли его официально все четыре правительства. Но вероятно, большую роль сыграла вера в то, что капитуляцию можно осуществить минимальными разговорами и отложить с помощью более короткой формы военной капитуляции.

В первом параграфе, подписанном немецкими посланниками, читаем: «Мы, нижеподписавшиеся, действуя от имени германского верховного командования, соглашаемся на безоговорочную капитуляцию всех наших вооруженных сил на суше, на море и в воздухе, а также всех сил, находящихся под немецким командованием, – Верховному Командованию Красной армии и одновременно верховному командованию союзных экспедиционных сил».

Уинанту в последний момент удалось добиться включения в текст следующей статьи: «Этот акт не будет являться препятствием к замене его другим генеральным документом о капитуляции, заключенным Объединенными Нациями или от их имени, применимым к Германии и германским вооруженным силам в целом».

Эта статья позволила союзникам навязать статьи документа, подготовленного Европейской консультативной комиссией (с той поправкой, что теперь в число союзников включили Францию).

Трумэн постоянно держал Сталина в курсе этих шагов, чтобы одновременно

сообщить о триумфе как результате совместных усилий. Поэтому, как только он услышал от Эйзенхауэра, что капитуляция подписана, он предложил Сталину объявить о ней одновременно с Америкой и Великобританией в 9.00 по вашингтонскому времени 8 мая. Но Сталин не торопился останавливать наступление советских войск. Он ответил, что у Верховного Командования Красной армии нет уверенности, что приказ германского командования о безоговорочной капитуляции будет выполнен немецкими войсками на Восточном фронте. Он опасался, что преждевременным объявлением советское правительство введет в заблуждение общественное мнение Советского Союза. Поэтому он попросил небольшой отсрочки. Поскольку это могло означать лишь неоправданные потери на Западном фронте, Трумэн и Черчилль объявили о капитуляции, не дожидаясь решения Сталина.

Всю Британию новость пронзила мгновенно, и радость была самой глубокой. В Соединенных Штатах царил огромное облегчение и удовлетворение, которое несколько омрачали мысли о предстоящей войне против Японии. Русскому народу капитуляция в Реймсе была представлена как предварительная. В советской прессе о ней упомянули лишь вскользь. Сталин настаивал на том, чтобы в Берлине состоялась официальная ратификация. Туда прибыла новая немецкая группа, за исключением адмирала Фридебурга, и рано утром 9 мая генерал Кейтель, начальник штаба верховного командования вермахта, подписал признание в полном поражении. На этот раз маршал авиации Теддер, заместитель Эйзенхауэра, подписал акт от его имени, а маршал Жуков подписал за русских. Тогда, и только тогда Сталин официально объявил о победе, и русский народ предался празднованию. Русские заключили своих союзников в теплые и радостные объятия.

Участники коалиции, за плечами которых были общие испытания, чувствовали себя друзьями. Но даже тогда, когда усталые солдаты поздравляли друг друга и подбрасывали в воздух шапки, правительства беспокоили намерения коммунистической России в Европе. Черчилль настаивал, что американским, британским и французским войскам, с трудом пробившим себе путь от Ла-Манша и Средиземного моря, следует как можно дольше оставаться там, где они стоят сейчас, чтобы доказать, что народы Европы могут жить свободно и без страха перед будущим. Неужели, освободившись от нацистской жестокости и высокомерия, они падут жертвой советского принуждения?